

Индонезия при Прабово выбирает обязательства перед ВРЭП, ТТП и ОЭСР

В октябре 2015 года во время визита в американский Белый дом президент Индонезии Джоко Видодо заявил о своём намерении присоединить страну с её огромным населением (250 млн человек) к Транстихоокеанскому партнёрству (ТТП) – крупному торговому соглашению, заключённому в том же месяце по инициативе президента США Барака Обамы. В сентябре текущего года, незадолго до окончания своих полномочий, правительство Видодо официально выдвинуло кандидатуру Индонезии на участие в ТТП, несмотря на выход США из соглашения, которое продолжают поддерживать другие страны-участницы во главе с Японией.

Новый президент Прабово Субианто движется в том же направлении.

Обязательства по реформам

Одним из косвенных последствий неожиданного решения Дональда Трампа отказаться от участия США в ТТП в начале его президентского срока в 2017 стало длительное замораживание присоединения Индонезии к соглашению. Теперь процесс возобновляется, но в глубоко изменившемся контексте. ТТП больше не является американским инструментом сдерживания Пекина и торга с ним, задуманным, по словам Обамы, с целью *«написать правила мировой экономики»* до того, как это сделает Китай. Токио по-прежнему держит дверь открытой для возвращения Вашингтона, но в обозримом будущем эта перспектива кажется всё менее и менее реалистичной. В 2021 году правительство Бориса Джонсона инициировало присоединение Великобритании, и сейчас подходит к завершению его ратификация. Среди других стран-кандидатов выделяется Китай с его огромными размерами, но пока он терпеливо ожидает.

По данным ООН, демографическая мощь Индонезии достигла порога в 280 млн жителей, четверть из которых младше 14 лет. ВВП страны в текущих ценах вырос с 860 млрд долларов в 2015 году до 1,37 трлн долларов в 2023-м. Перспектива вступления в ТТП объясняется правительством Видодо тем же аргументом о *внешних обязательствах*, который весной использовался, чтобы обосновать решение о вступлении в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) – историческую организацию “развитых” стран. Как заявил министр экономики Аирлангга Хартарто, *«это решение, которое мы принимаем для структурного реформирования нашей экономики»*.

Индийское зеркало

Аирлангга утверждает, что переговоры не будут сложными, поскольку 70 % индонезийских правил уже приведены в соответствие со стандартами ТТП. На фоне осторожной позиции Индии под руководством Нарендры Моди, отказавшейся присоединяться к Азиатскому всестороннему региональному экономическому партнёрству (ВРЭП), возникает вопрос: как объяснить кажущуюся беззаботность Индонезии, которая одновременно участвует в ВРЭП, стремится вступить в конкурирующее с ним ТТП и даже в закрытый клуб ОЭСР, членство в котором подразумевает наличие всех атрибутов демократического и либерального капитализма?

Прежде всего, можно отметить, что в своём экономическом развитии Индонезия демонстрирует определённое преимущество перед Индией – по крайней мере, если судить по средним показателям в этих странах, несмотря на то что население Индии в пять раз больше. По данным Всемирного банка за 2023 год, ВВП на душу населения по паритету покупательной способности в Индонезии составляет 15.612 долларов, тогда как в Индии – 10.175 долларов. Уровень урбанизации – 59 % против 36 %, доля промышленности в ВВП – 40 % против 25 %.

С другой стороны, подход правительства Видодо нельзя сводить лишь к его либеристским чертам. По мнению Арианто Патунру, исследователя *“Indonesia Project”* Австралийского национального университета, торговая политика Индонезии представляет собой смесь *«двойственности, прагматизма и национализма»* (*“Bulletin of Indonesian Economic Studies”*, 2023).

Колеблющийся либеризм

Двойственность проявляется в отношении к правилам ВТО и МВФ, в либерализации лишь некоторых секторов, в принятии множества соглашений о свободной торговле и в то же время – введении протекционистских тарифов и нетарифных барьеров, таких как требование к степени локализации. Найти долгосрочное равновесие между мерами по открытости и защите затруднительно, особенно если учитывать заявленные Джакартой амбиции включиться в гонку за статус “нового Китая”, предлагая дешёвую рабочую силу для международных производственно-сбытовых цепочек. Согласно данным *Global Trade Alert*, по уровню протекционизма Индонезия заметно опережает таких конкурентов, как Малайзия, Таиланд и Вьетнам.

Индонезийский прагматизм проявляется в законодательных реформах, таких как Сводный закон 2020 года, направленных на содействие иностранным инвестициям. Национализм выражается, например, в промышленной политике управления природными ресурсами, призванной ограничить экспорт сырья и стимулировать его переработку внутри страны. Примером может служить запрет на экспорт никеля с целью развивать его переработку внутри страны, о чём мы уже писали ранее (“*Nuove alchimie cinesi sul nichel di Giacarta*”).

Хэл Хилл (Австралийский национальный университет) и Джаянт Менон (Институт исследований Юго-Восточной Азии, ISEAS, Сингапур) предлагают частичное объяснение зигзагов между открытием и протекционизмом. За десятилетие, предшествовавшее 2020 году, президенты Индонезии сменили семь министров торговли с *«широко расходящимися (а в некоторых случаях и противоречивыми) взглядами на вопросы торговли – от в целом либеристских и интернациональных до решительно протекционистских»* (“*Trade policy in Indonesia and Thailand*”, 2021).

Относительное развитие

Хэл Хилл и Сиваге Дхарма Негара (ISEAS) в книге “*The Indonesian Economy in Transition*” (ISEAS, 2019) пишут, что правительство Видодо *«колеблется в международной экономической политике между прагматичной открытостью и экономическим национализмом»*, не отказываясь от протекционистских мер, введённых во время сырьевого бума.

В долгосрочной перспективе Индонезия пережила тридцатилетие быстрого экономического роста при режиме Сухарто с 1966 по 1996 год, когда среднегодовой рост её ВВП составил 7,3 %. Азиатский финансовый кризис конца 1990-х годов разрушил эту политическую систему, нанеся очень сильный удар по индонезийской экономике и вызвав рецессию в 13,4 % в 1998 году, которая приобрела символическое значение. Хилл и Негара пишут, что если исходить из этой отправной точки, то, *«возможно, не будет преувеличением сказать, что экономическое и политическое развитие следующих двух десятилетий было чуть ли не чудом»*. С начала тысячелетия, за исключением пандемической рецессии 2020 года, Индонезия поддерживает среднегодовые темпы роста выше 5 %. Поскольку ВВП на душу населения увеличился более чем в 6 раз за 50 лет, она входит в состав небольшой группы стран, способных к исключительно быстрому росту в течение устойчивых периодов. Однако развитие Индонезии не поспевает за ростом других азиатских гигантов: со своим ВВП на душу населения выше 15 тыс. долларов она отстаёт от Китая (более 24 тыс. долларов), не говоря уже о Южной Корее и Японии (более 50 тыс. долларов).

Уроки Азии

Предисловие к книге Хилла и Негары написал Боздиано, вице-президент Индонезии с 2009 по 2014 год, многократно занимавший министерские посты (по планированию в 1998–1999 годах, по финансам в 2001–2004, по экономике в 2005–2008), а также возглавлявший центральный банк страны в 2008–2009 годах. Боздиано родился в Блитаре (провинция Восточная Ява) в 1943 году, получил экономическое образование в Австралии и США. Он входил в число технократов режима Сухарто в “славное тридцатилетие” ускоренного развития. Его размышления касаются того, *«чему Индонезия могла бы научиться из опыта стран Восточной Азии»* – группы государств, в которую он включает *«Японию, Тайвань, Южную Корею, Сингапур, Гонконг и в последнее время Китай, а теперь, возможно, даже*

Вьетнам». Эти страны похожи, «потому что в своём стремлении к развитию они применяли схожие стратегии с одинаковыми результатами».

Боздиано особо выделяет две общие черты подхода к обеспечению развития. Во-первых, способность отдавать приоритет *«улучшению трёх стратегических областей, а именно образования, бюрократии и инфраструктуры»* Такой выбор, по его мнению, во многом укоренён в конфуцианском понимании государства. В экономической литературе этот триединый подход считается краеугольным камнем устойчивого развития, поскольку способствует повышению общей производительности в долгосрочной перспективе. Во-вторых, выбор изначально недемократической институциональной политической модели с жёсткой бюрократией, позволяющей государству играть *«роль активиста»* в качестве координатора и руководителя крупных экономических групп. По мнению Боздиано, решающим моментом является то, что в критические этапы своего роста эти азиатские капитализмы не страдали от навязчивой ориентации на краткосрочные цели, столь характерной для демократий. *«Их стратегические планы в известной степени были защищены от капризов и резких колебаний, которые часто сопровождают избирательные циклы».*

Государственный план

Индонезия имела аналогичный опыт в течение тридцати лет правления Сухарто, когда был достигнут *«значительный прогресс на экономическом и социальном фронтах благодаря последовательной политике развития, проводимой под контролем группы компетентных и преданных своему делу технократов, работавших под эгидой политического режима, который был не вполне демократичным, но стабильным».* После кризиса конца 1990-х годов *«были введены полная избирательная демократия, разделение государственных властей, система сдержек и противовесов в правительстве и свободная пресса. Однако на уровне практического управления было утрачено нечто важное».* По мнению Боздиано, урок двоякий, так как *«демократия сама по себе не гарантирует развития»*, но и, наоборот – *«без развития маловероятно, что демократия сможет выжить».* Идеальным решением была бы демократия, *«ориентированная на развитие»*, которая не является заложницей краткосрочной перспективы и способна работать над повышением производительности, разрабатывая и реализуя пятилетние, десятилетние, двадцатилетние планы.

Рассуждая о своей технократической миссии, Боздиано также затрагивает более общий вопрос *лучшей политической оболочки для капитализма.* Учитывая бурную историю архипелага, влияние маоистов на режим Сукарно и кровавые репрессии, приведшие Сухарто к власти, в Индонезии до сих пор сложно открыто предлагать китайскую модель. Однако в основных ингредиентах, предложенных Боздиано, а именно в конфуцианском государстве и правительстве, способном работать над долгосрочными стратегическими планами и не связанном ограничениями электоральных сроков, кажется, легко распознать рецепт Китая. Вопросы империалистической демократии, поставленные в Пекине, требуют ответов и в Джакарте.

Октябрь 2024 г.